

DOI: 10.12731/2658-4034-2025-16-4-785
УДК 159.923.2

EDN: UDSCDK

Научная статья | Общая психология, психология личности, история психологии

АУТОАГРЕССИЯ КАК РЕЗУЛЬТАТ САМООТЧУЖДЕНИЯ

Т.Н. Кочеткова

Аннотация

Обоснование. Повсеместная распространенность Интернета серьезно трансформировала жизнь современного человека, снабдив его на разные случаи жизни огромными массивами информации, носящей как объективный, так и фальсификационный характер. Сеть нивелирует разницу в географических местах проживания, сглаживает лингвистические барьеры, позволяет мгновенно получать сведения из самых отдаленных уголков мира, превратившись одновременно в источник информации необходимый для учебы и работы, средство общения, развлечения, дохода, включая просоциальные и делинквентные способы самореализации и самоутверждения. Частью новой «нормы» в эпоху глобализации стали практики аутоагрессивного поведения – пирсинг, татуирование, курение и пр.

Чем младше ребенок, тем активнее сеть формирует его мировосприятие, интересы, ценности. Культ индивидуального успеха, активно представленный в Интернете, порождает ощущение неуспешности, обуславливая желание снять напряженность через агрессивные высказывания в адрес других людей, кибербуллинг и пр., которые легче осуществить в виртуальном пространстве, используя анонимный режим или фейковый аккаунт.

Агрессивное поведение закладывается в семье. Родители, прибегающие к разным типам насилия, формируют у взрослеющих детей дисгармоничные представления о собственном «Я». В аутоагрессивном поведении акцент смещается с внешнего мира на внутренний, приводя при пролонгированном течении к социально-психологической дезадаптации.

Цель исследования заключается в анализе феномена аутоагрессии.

Материалы и методы. В работе использованы методы теоретического анализа литературы, индукция, дедукция, абстрагирование.

Результаты. Самоагрессия является следствием приспособления к условиям, превышающим адаптационные возможности человека, что провоцирует рост соматических и психических заболеваний, увеличивает риск формирования суицидального поведения. В основе аутоагрессии лежат биологические и социально-психологические причины. Негативное воздействие референтного окружения обуславливает объектное самовосприятие, личностную инфляцию, снижая ограничительную роль социальных норм и запретов. «Хроническая» самоагрессия программирует деструктивный жизненный сценарий.

Ключевые слова: семья; насилие; социально-психологическая дезадаптация; самоотчуждение; аутоагрессия

Для цитирования. Кочеткова, Т. Н. (2025). Аутоагрессия как результат самоотчуждения. *Russian Journal of Education and Psychology*, 16(4), 371–390. <https://doi.org/10.12731/2658-4034-2025-16-4-785>

Original article | General Psychology, Personality Psychology, History of Psychology

AUTOAGGRESSION AS A RESULT OF SELF-ALIENATION

T.N. Kochetkova

Abstract

Background. The widespread use of the Internet has seriously transformed the life of a modern person, providing him with huge amounts of information for various occasions, both objective and falsified. The network levels out differences in geographical locations, smooths out linguistic barriers, allows one to instantly receive information from the most remote corners of the world, turning into a source of information necessary for study and work, a means of communication, entertainment, income, including prosocial and delinquent ways of self-realization and self-affirmation. Part

of the new «norm» in the era of globalization have become practices of autoaggressive behavior - piercing, tattooing, smoking, etc.

The younger the child, the more actively the network shapes his worldview, interests, values. The cult of individual success, actively represented on the Internet, gives rise to a feeling of failure, causing a desire to relieve tension through aggressive statements addressed to other people, cyberbullying, etc., which are easier to implement in the virtual space, using anonymous mode or a fake account.

Aggressive behavior is formed in the family. Parents who resort to various types of violence form disharmonious ideas about their own «I» in their growing children. In autoaggressive behavior, the emphasis shifts from the external world to the internal one, leading to socio-psychological maladaptation in the long run.

The **aim** of the study is to analyze the autoaggression phenomenon.

Materials and methods. The work uses methods of theoretical analysis of literature, induction, deduction, abstraction.

Results. Self-aggression is a consequence of adaptation to conditions that exceed a person's adaptive capabilities, which provokes an increase in somatic and mental illnesses and increases the risk of suicidal behavior. Biological and socio-psychological reasons underlie autoaggression. The negative impact of the reference environment causes object self-perception, personal inflation, reducing the restrictive role of social norms and prohibitions. «Chronic» self-aggression programs a destructive life scenario.

Keywords: family; violence; social and psychological maladjustment; self-alienation; auto-aggression

For citation. Kochetkova, T. N. (2025). Autoaggression as a result of self-alienation. *Russian Journal of Education and Psychology*, 16(4), 371–390. <https://doi.org/10.12731/2658-4034-2025-16-4-785>

Введение

О масштабах саморазрушительных практик в обществе можно судить по распространенности вредных привычек, популярности бодимодификаций, возведению зависимого поведения в ранг «индивидуального выбора». Любовь к экстремальным видам спорта, шопого-

лизм, потребность в получении обратной связи от незнакомых людей на селфи, выложенное в собственном аккаунте, интернет-зависимость и т.п. – способы поиска самоидентичности, чреватые разрушительным поведением. Так, Интернет, с одной стороны, позволяет оперативно получать требуемую информацию, дает возможность дистанционно получить диплом об образовании, совершить онлайн-покупки, записаться на прием к врачу и пр., однако параллельно с плюсами, формирует общественное мнение, приучает юношество к некритичному восприятию информации, формирует клиповое мышление, обесценивает интимно-личностное общение, упрощает ценностное мировосприятие. Изобилуя агрессивным контентом, Интернет провоцирует негативный эмоциональный фон, возрастающий в контексте сравнения с успешными представителями общества потребления, инициируя психологические барьеры, слухи, конфликты, информационные войны, активный рост кибербуллинга, онлайн-груминга, усиливающих риск формирования виктимного и суицидального поведения.

Увеличение форм зависимого поведения, не в последнюю очередь, обусловлено дисгармоничным влиянием семьи, провоцирующим нарушение психического здоровья, рост смертности [10; 11; 24-26; 33]. Согласно данным Следственного комитета, ежегодно увеличивается число самоубийств среди детей и подростков [1].

Проявления аутоагрессии и причины ее появления

Пренебрежительное восприятие собственного «Я», безответственное отношение к здоровью, аддиктивное и самоповреждающее поведение, суицид – наиболее яркие проявления аутоагрессии, являющейся следствием «патологической адаптации», обуславливающей нарушение физического и психического здоровья [4; 22; 27; 29; 33; 35].

А.В. Ипатов предложил типологию аутодеструктивного поведения подростков:

1. самоутверждающийся – ищет себя, совершая рискованные и делинквентные поступки;
2. демонстративный – самовыражается через аддикции;

3. протестный – бродяжничает, употребляет алкоголь, играет в азартные игры и пр.;
4. защищающийся – уклоняется от проблем, бессодержательно проводит время, прогуливает занятия, прибегает к самоповреждению;
5. подражательный – угождает группе через аддиктивные действия, попрошайничество [22].

В.А. Руженков, В.В. Руженкова предложили медицинскую модель аутоагрессивного поведения, меняющегося в зависимости от цели реализации (аутодеструктивное, парасуицидальное, суицидальное). Авторы описали прямые и косвенные аутодеструктивные действия. Последствия прямых аутодеструкций заметны сразу, включают в себя два вида:

1. бытовая; состоит из релаксационных, мазохистических, рентных саморазрушений, имеющих разное предназначение: релаксационные – снять психоэмоциональное напряжение, мазохистические – получить удовольствие от боли, рентные (демонстративные) – оказать давление на ближайшее окружение;
2. субкультурная – пройти ритуал инициации, следовать тенденциям моды (бодимодификации).

Косвенную аутодеструкцию, имеющую отсроченные результаты проявлений, ученые разделили на неосознаваемую – пассивную, осознаваемую – активную. Пассивные действия саморазрушений: психосоматические расстройства, унфелеры (склонность к травматизму) [30]. Осознаваемые действия селфхарма: курение, алкоголь, наркотики; рискованные виды спорта; провокация окружающих к физической агрессии; русская рулетка; стремление в «горячие точки». С ростом значимости рискованного поведения, возрастает готовность к нарушению моральных и общественных норм [31].

Хотя исследователи исключили из предложенной классификации интернет-зависимость, ее результаты соответствуют проявлениям косвенной аутоагрессии, обусловленной желанием структурировать собственное время, найти решение офф-проблем в виртуальном пространстве, которые на деле приводят к многочасовому и

бесцельному времяпровождению в сети, вызывающему ухудшение физического и психического самочувствия. Ряд авторов связывают зависимость от сети с импульсивностью, социальными фобиями, биполярным аффективным расстройством [9].

Несмотря на то, что аутодеструктивное поведение может проявляться в членовредительстве, рискованном поведении и т.п., оно, как и парасуицид, носит манипулятивный характер, чем кардинально отличается от истинного суицида, направленного на добровольный уход из жизни [30].

В теориях, объясняющих генезис аутоагрессии, последняя может рассматриваться как результат научения деструктивному поведению; реакция на фрустрацию в психотравмирующей ситуации; защитный механизм; черта характера [2; 4; 10; 14; 16-18; 21; 22; 26; 34]. Кроме того, агрессия, направленная на себя, может быть обусловлена психическими заболеваниями (шизофрения, расстройство адаптации, личностные расстройства и пр.) [1; 15; 16; 18; 29; 30; 35].

На данный момент отсутствует однозначный взгляд на причины самоагрессии; обобщив ряд источников [1; 4; 5; 14; 17; 22; 23; 26; 28; 29; 34; 35; 38; 39], условно разделим их на биологические и социально-психологические; среди базовых стоит выделить:

1. нарушение взаимосвязи между высшими отделами мозга и эмоциогенными структурами;
2. дисбаланс в работе симпатической и парасимпатической систем, вызывающий изменения в протекании нервных процессов, связанных, прежде всего, с эмоциональной возбудимостью, реактивностью, инертностью, ригидностью;
3. депривация, обусловленная дисгармоничными стилями воспитания и общения, неблагоприятным психологическим климатом, межличностными и внутриличностными конфликтами и пр.;
4. отсутствие смысла жизни.

Роль референтного окружения в формировании аутоагрессии

Социальное окружение определяет наше мировоззрение, ценности, идентичность, задавая канву личностного развития и формиро-

вания. Поэтому именно семья может нанести наибольший вред, если строится на дистантных и враждебных отношениях, асоциальных установках и образе жизни, что многократно увеличивает вероятность формирования агрессивного и аутоагрессивного поведения [3; 5; 7; 8; 10-14; 16-18; 21; 22; 24; 25; 28; 31; 33; 35; 36; 38; 39].

Отсутствие эмоциональной поддержки и заботы, противоречивое и непредсказуемое отношение матери, враждебное поведение отца – основные факторы, провоцирующие подростковый селфхарм [21; 22]. Некоторые родители, несмотря на наличие очевидных признаков неблагополучия ребенка, игнорируют их, удивляясь в дальнейшем, получив от врачей информацию из анамнеза их выросшего ребенка о совершенной им еще в отрочестве попытке суицида, которая могла оказаться неоднократной [18; 33].

Преобладающие типы насилия в семье – психологическое, физическое, реже – пренебрежение нуждами ребенка, сексуальное насилие [10]. Наиболее уязвимыми возрастными категориями для сексуального насилия в школе выступают дети младшего и среднего подросткового возраста обоего пола – 27% против 9% в семье, где жертвами являются дети среднего и старшего подросткового возраста, обычно девочки [10]. Высокая латентность сексуального насилия обусловлена страхом подвергнуться стигматизации в связи с социальной оглаской, отсутствием необходимой профессиональной помощи, в случае, когда насильником является член семьи – зависимостью от него, чаще всего, экономической [10; 11; 37].

Психологические последствия сексуального злоупотребления различаются: мальчики демонстрируют агрессию, оппозицию, негативизм, нарушение половой идентичности, гипермаскулинную компенсацию, сексуализированное поведение, повышенную возбудимость и психическое напряжение, чувство стыда; девочки негативно воспринимают мужские полоролевые образцы и близкие отношения, испытывают чувство вины, сложности с установлением социальных контактов [25].

Группа российских исследователей [18] изучала связь травматического детского опыта с развитием патологических личностных черт при непсихотических психических расстройствах. Преобладающую

часть описанной выборки составили женщины, средний возраст пациенток – 26,46. Авторы выявили преобладающие характеристики обследуемой выборки: установленный диагноз – «аффективные расстройства», наличие (или получение) высшего образования, отсутствие работы и собственной семьи. Эмпирическое исследование позволило ученым установить, что негативный аффект вызывают пренебрежение и одиночество; физическое и эмоциональное насилие, отвержение и одиночество обуславливают отчуждение; психотизм предопределяет неблагоприятная семейная среда, наказания, пренебрежение, одиночество [18].

Согласно выводам Р. Miralles et al., Е.Н. Волковой, И.В. Волковой, О.М. Исаевой, Д.А. Тухтаевой, З.В. Луковцевой, дети, воспитанные в условиях родительского отчуждения, повторяют модель их поведения в собственной семье, продолжая страдать от непринятия себя, низкой самооценки и нереализованности, тревоги и депрессии, входят в группу риска по формированию психопатологии [10; 11; 33; 38]. Многие из них сообщили, что в подростковом и юношеском возрасте имели проблемы с алкоголем, наркотиками [38]. Отличие от выводов наших соотечественников [18], состоит в постулировании несостоятельности обследуемых в сфере самореализации (испытуемые не верили в свои силы, поэтому не стремились к получению образования) [38].

Последствия аутоагрессии для его носителя и общества

Безнравственное и жестокое отношение других лежит в основе самоотчуждения – дистанцированности от собственной природы, обусловленной дефицитностью базовых психосоциальных потребностей – самоуважения и социального признания, контроля отношений, в которые включен человек, потребности в принадлежности к группе [6; 39]. Социальное исключение (остракизм) воспринимается человеком болезненно не только на уровне осознания, но даже физически, что вызвано изменением активности головного мозга [5].

Результатом пролонгированного воздействия обесценивающих оценок референтного круга, является личностная инфляция, о последствиях которой можно судить по формированию характероло-

гических черт: нестабильной или неадекватно низкой самооценки; амбивалентному или негативному самоотношению, экстраполируемому, в том числе, на образ собственного тела; замкнутости; тревожности; конформизму; внушаемости; виктимности и пр. [4; 5; 10; 14; 22; 23; 26-29; 33-35; 38; 39].

Взгляд на себя через призму чужеродных, но интроецированных мнений, лишает человека самооценности, приучает к объектному восприятию себя и других, облегчает оправдание насилия, формирование девиантного и делинквентного поведения. Дефицит просоциального опыта активизирует деструктивные тактики, связанные с употреблением психоактивных веществ, доверительным общением с малознакомыми людьми, физическим наказанием нелюбимого тела и пр. [2; 16; 17; 21; 25; 29].

Механизм морального разъединения людей, лежащий в основе агрессии, которая может быть направлена как на себя, так и на других соответствует понятию дегуманизации или расчеловечивания. R. Piñuela et al. описывает виды расчеловечивания: анималистическое – окружающие уподобляются животным; механистическое – люди рассматриваются как вещи, неживые объекты. Анималистическое обесчеловечивание связано с импульсивным насилием, механическое расчеловечивание – со спланированным и холодным поведением [39].

Деструктивность аутоагрессии обусловлена направленностью насилия на самого носителя. Совместное влияние гетеро- и аутоагрессии можно проследить на явлении скулшутинга, связанного с вооруженными нападениями обучаемых на образовательные учреждения, которые в 90% случаев завершаются демонстративным суицидом [3; 12]. Исследователи приводят разные мотивы-побудители для совершения уголовно-наказуемого преступления: психотравмирующий опыт (буллинг, конфликтные отношения с участниками образовательного процесса, вынужденное одиночество, отсутствие психологической безопасности и пр.); желание прославиться, получить социальное признание, подражая «героям», преодолевающим препятствия делинквентными способами; симптомы деперсонализации, психические заболевания [3; 7; 8; 12; 13; 19; 20; 32].

Заключение

1. Самоотчуждение – путь к разрушению физического и личностного «Я», берущий начало в отождествлении с негативной стигмой, полученной от не признающей, но значимой для человека группы, отсутствие внимания которой заменяется формированием химических, психологических аддикций, рискованных способов самоутверждения, членовредительстве и пр., чреватых социально-психологической дезадаптацией, формированием психопатологий, высокой смертностью.

2. Дегуманизация активизирует ауто- и гетероагрессивное поведение, представляя угрозу для общества (например, явление скулшутинга).

3. Самоагрессия носит циклический характер, получая «второе рождение» в собственной семье человека, выросшего в условиях социальной депривации.

4. В свободном пространстве Интернета должна появиться информация о продуктивной самопомощи и специализированной помощи профессиональных психологов, памятки по поведению человека в ситуациях, провоцирующих конфликты, представляющих угрозы для жизни, здоровья, социализации, телефоны экстренных служб помощи, адреса сайтов, психологических центров, работающих над популяризацией проблем детско-родительских, интимно-личностных, деловых отношений, и способов их эффективного разрешения.

Список литературы

1. Алигаева, Н. Н. (2023). Патопсихологические аспекты аутоагрессивного поведения несовершеннолетних осужденных. В *Сухаревские чтения. Аутоагрессивное поведение детей и подростков: эффективная профилактическая среда* (с. 19–21). Москва.
2. Бадалов, А. А., & Байышева, Э. Б. (2023). К вопросу о дисфункции ассоциативных областей головного мозга как предикторов формирования аутоагрессивного поведения (на модели комбинированной формы психопатологического диатеза). В *Сухаревские чтения. Аутоагрессивное поведение детей и подростков: эффективная профилактическая среда* (с. 36–39). Москва.

3. Баева, Л. В. (2024). Скулшутинг как глобальный феномен: «американская эпидемия» в России. *Век глобализации*, 3, 142–154. <https://doi.org/10.30884/vglob/2024.03.13>. EDN: <https://elibrary.ru/FFEBGD>
4. Белашина, Т. В., & Кобзева, Д. А. (2020). Аутоагрессия как предиктор виктимного поведения личности. *Психология человека в образовании*, 2(1), 26–32. <https://doi.org/10.33910/2686-9527-2020-2-1-26-32>. EDN: <https://elibrary.ru/SXNDGK>
5. Бойкина, Е. Э. (2019). Агрессия сквозь призму социального остракизма. *Современная зарубежная психология*, 8(3), 60–67. <https://doi.org/10.17759/jmfp.2019080307>. EDN: <https://elibrary.ru/OREJML>
6. Бойкина, Е. Э., Чиркина, Р. В., Чумаченко, Д. В., Романова, Н. М., & Киселев, К. А. (2024). Шкала нарушенных потребностей. Остракизм (подростки, молодежь), ШНПО-ПМ [Электронный ресурс]. *Психология и право*, 14(1), 53–71. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2024140104>. EDN: <https://elibrary.ru/HWMRDC>
7. Боргуль, А. А. (2024). Скулшутинг: причины возникновения и способы профилактики. В *Безопасность личности, общества и государства: теоретико-правовые аспекты: Сборник научных статей XVII международной научной конференции* (с. 941–946). Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД РФ. EDN: <https://elibrary.ru/ARHHND>
8. Борисова, С. Е. (2024). Феномен скулшутинга и его толкование в контексте юридико-психологического знания и ассоциативных смыслов будущих следователей. *Психология и право*, 14(2), 172–184. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2024140213>. EDN: <https://elibrary.ru/JXGZKI>
9. Войскунский, А. Е. (2004). Актуальные проблемы психологии зависимости от Интернета. *Психологический журнал*, 25(1), 90–100. EDN: <https://elibrary.ru/NKNCUY>
10. Волкова, Е. Н., Волкова, И. В., & Исаева, О. М. (2016). Оценка распространённости насилия над детьми. *Социальная психология и общество*, 7(2), 19–34. <https://doi.org/10.17759/sps.2016070202>. EDN: <https://elibrary.ru/WAPUOX>
11. Волкова, Е. Н., & Исаева, О. М. (2015). *Ребёнок и насилие: диагностика, предотвращение и профилактика* (290 с.). Нижний Новгород. ISBN: 978-5-00036-121-4. EDN: <https://elibrary.ru/XNOPOE>

12. Вяткина, Н. В., Щукина, Р. И., Федотова, П., & Гаджиева, М. Т. (2023). Скулшутинг в России: взгляд на проблему исследователей и обывателей. *Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки*, 1, 120–130. <https://doi.org/10.15593/2224-9354/2023.1.9>. EDN: <https://elibrary.ru/VQXKLI>
13. Гараганов, А. В. (2022). Социально-психологические причины школьного шутинга. *Гуманизация образования*, 1, 145–156. <https://doi.org/10.24411/1029-3388-2020-10223>. EDN: <https://elibrary.ru/PYMLPI>
14. Глазырина, Л. Г. (2021). Аутоагрессия как предиктор интернет-зависимости у подростков: теоретические аспекты. *Проблемы современного педагогического образования*, 71-4, 348–351. EDN: <https://elibrary.ru/BMLPCC>
15. Головина, А. Г., & Самарина, О. Е. (2023). О некоторых особенностях несуицидального аутоагрессивного поведения при аффективных расстройствах и расстройствах личности в период adolescence. В *Сухаревские чтения. Аутоагрессивное поведение детей и подростков: эффективная профилактическая среда* (с. 66–68). Москва.
16. Голубева, Н. И. (2023). Диссоциативные расстройства идентичности у детей с шизотипическими расстройствами личности. В *Сухаревские чтения. Аутоагрессивное поведение детей и подростков: эффективная профилактическая среда* (с. 69–72). Москва.
17. Гребенщикова, А. В. (2023). Психолого-педагогическая профилактика и коррекция самоповреждающего поведения у детей и подростков. В *Сухаревские чтения. Аутоагрессивное поведение детей и подростков: эффективная профилактическая среда* (с. 73–76). Москва.
18. Густов, Г. В., Зинчук, М. С., Попова, С. Б., Святская, Е. А., & Акжигитов, Р. Г. (2023). Влияние типа детского стресса на формирование дисфункциональных личностных черт. В *Сухаревские чтения. Аутоагрессивное поведение детей и подростков: эффективная профилактическая среда* (с. 77–82). Москва.
19. Давыдов, Д. Г., & Хломов, К. Д. (2018). Массовые убийства в образовательных учреждениях: механизмы, причины, профилактика.

- Национальный психологический журнал*, 4(32), 62–76. <https://doi.org/10.11621/npj.2018.0406>. EDN: <https://elibrary.ru/VUSFIW>
20. Данченко, С. А., Гуремина, Н. В., & Назаров, М. С. (2023). Психологические особенности личности потенциального скулшутера. *Russian Journal of Education and Psychology*, 14(1–2), 200–212. URL: https://rjep.ru/archive/2023/rjep14_1_2_2023.pdf. EDN: <https://elibrary.ru/WTDKZB>
21. Джафарова, Э. С., & Фаустова, А. Г. (2023). Взаимосвязь особенностей привязанности и самоповреждающего поведения у подростков из полных и неполных семей. В *Сухаревские чтения. Аутоагрессивное поведение детей и подростков: эффективная профилактическая среда* (с. 83–85). Москва.
22. Ипатов, А. В. (2017). *Психологические детерминанты аутодеструктивного поведения подростков и механизмы его коррекции* [Автореф. дис. ... д-ра психол. наук] (52 с.). Санкт-Петербург. EDN: <https://elibrary.ru/ZQDMNZ>
23. Меринов, А. В., Шишкова, И. М., Завалова, Е. Р., Васильева, Д. М., & Провоторова, А. О. (2023). Аутоагрессивный профиль в подростковом и раннем юношеском возрасте молодых женщин, в настоящий момент имеющих актуальные суицидальные идеи. *Суицидология*, 14(4), 57–70. [https://doi.org/10.32878/suiciderus.23-14-04\(53\)-57-70](https://doi.org/10.32878/suiciderus.23-14-04(53)-57-70). EDN: <https://elibrary.ru/EPVJIU>
24. Новоселова, М. Л., & Дворянчиков, Н. В. (2014). Факторы ранней травматизации в развитии аномалий сексуального характера у мужчин [Электронный ресурс]. *Психология и право. Psysandlaw.ru*, 2. URL: https://psyjournals.ru/journals/psylaw/archive/2014_n2/69874 (дата обращения: 01.06.2025). EDN: <https://elibrary.ru/SIVETJ>
25. Нуцкова, Е. В. (2016). Феноменология психологических последствий сексуального злоупотребления у детей и подростков в зависимости от действия различных факторов [Электронный ресурс]. *Психология и право*, 6(1), 73–90. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2016060107>. EDN: <https://elibrary.ru/VPGFFR>
26. Пискарева, Т. К., & Ениколопов, С. Н. (2019). Нарушения половой идентичности и проблемы психического здоровья. *Обзорение психиа-*

- трии и медицинской психологии, 3, 28–35. <https://doi.org/10.31363/2313-7053-2019-3-28-35>. EDN: <https://elibrary.ru/HFEVKK>
27. Польская, Н. А. (2013). Взаимосвязь показателей школьного буллинга и самоповреждающего поведения в подростковом возрасте. *Психологическая наука и образование*, 1, 39–49. URL: https://psyjournals.ru/journals/pse/archive/2013_n1/58596. EDN: <https://elibrary.ru/PZNNNF>
28. Попов, Ю. В., & Бруг, А. В. (2005). Аддиктивное суициальное поведение подростков. *Обозрение психиатрии и медицинской психологии им. В. М. Бехтерева*, 1, 24–26. EDN: <https://elibrary.ru/QJKDDV>
29. Розанов, В. А. (2022). Агрессия и аутоагрессия (суицид) — анализ с позиций нейробиологии. *Суицидология*, 13(3), 3–38. [https://doi.org/10.32878/suiciderus.22-13-03\(48\)-3-38](https://doi.org/10.32878/suiciderus.22-13-03(48)-3-38). EDN: <https://elibrary.ru/RKTXZR>
30. Руженков, В. А., & Руженкова, В. В. (2014). Некоторые аспекты терминологии и классификации аутоагрессивного поведения. *Суицидология*, 5(1), 41–51. EDN: <https://elibrary.ru/SBPVLX>
31. Соколова, М. В. (2022). *Социально-психологические детерминанты выбора аутоагрессивными подростками социальных сетей* [Автореф. дис. ... канд. психол. наук] (25 с.). Москва. EDN: <https://elibrary.ru/FGLXVT>
32. Суходольская, Ю. В. (2020). Скулшутинг как самостоятельный криминологический феномен. *Вестник университета прокуратуры Российской Федерации*, 3(77), 117–120. EDN: <https://elibrary.ru/CPENAT>
33. Тухтаева, Д. А., & Луковцева, З. В. (2024). Психологические особенности взрослых, переживших сексуальное насилие в детском или подростково-юношеском возрасте [Электронный ресурс]. *Психология и право*, 14(1), 33–52. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2024140103>. EDN: <https://elibrary.ru/BCIDHF>
34. Утемисова, Г. У., & Васягина, Н. Н. (2020). Актуальность исследования проблемы буллинга: современное состояние проблемы. *Педагогическое образование в России*, 4, 27–34. <https://doi.org/10.26170/ro20-04-03>. EDN: <https://elibrary.ru/XXOZAT>
35. Финашина, М. Е., & Павлова, О. С. (2024). Я-концепция старших подростков, склонных к аутоагрессивному поведению. *Вестник*

- практической психологии образования, 21(1), 97–110. <https://doi.org/10.17759/bppe.2024210108>. EDN: <https://elibrary.ru/CMDOOU>
36. Фурманов, И. А. (2020). Аттитюды студентов в отношении насилия. *Интеграция образования*, 24(4), 622–640. <https://doi.org/10.15507/1991-9468.101.024.202004.622-640>. EDN: <https://elibrary.ru/OHLRGS>
37. Al-Hawari, H., & El-Banna, A. (2017). A medicolegal study of domestic violence in south region of Jordan. *Egyptian Journal of Forensic Sciences*, 7(5). <https://doi.org/10.1186/s41935-017-0006-x>
38. Miralles, P., Godoy, C., & Hidalgo, M. D. (2023). Long term emotional consequences of parental alienation exposure in children of divorced parents: A systematic review. *Curr Psychol*, 42, 12055–12069. <https://doi.org/10.1007/s12144-021-02537-2>. EDN: <https://elibrary.ru/VHWCIF>
39. Piñuela, R., Montañez, D., Piñeiro, Y., Vecina, M. L., & Yela, C. (2023). Exploring Alienation, Self-Dehumanization, and Aggression in Adolescents: Institutionalized vs Noninstitutionalized. *International Journal of Psychology and Neuroscience*, 9(2), 90–108. <https://doi.org/10.56769/ijpn09209>. EDN: <https://elibrary.ru/ELJFZW>

References

1. Aligaeva, N. N. (2023). Pathopsychological aspects of auto-aggressive behavior in juvenile convicts. In *Sukharev Readings. Auto-aggressive Behavior in Children and Adolescents: An Effective Preventive Environment* (pp. 19–21). Moscow.
2. Badalov, A. A., & Baiysheva, E. B. (2023). On the dysfunction of associative brain areas as predictors of auto-aggressive behavior formation (on the model of combined psychopathological diathesis). In *Sukharev Readings. Auto-aggressive Behavior in Children and Adolescents: An Effective Preventive Environment* (pp. 36–39). Moscow.
3. Baeva, L. V. (2024). School shooting as a global phenomenon: The «American epidemic» in Russia. *Age of Globalization*, 3, 142–154. <https://doi.org/10.30884/vglob/2024.03.13>. <https://elibrary.ru/FFEBGD>
4. Belashina, T. V., & Kobzeva, D. A. (2020). Auto-aggression as a predictor of victim behavior. *Psychology of Human in Education*, 2(1), 26–32. <https://doi.org/10.33910/2686-9527-2020-2-1-26-32>. <https://elibrary.ru/SXNDGK>

5. Boykina, E. E. (2019). Aggression through the lens of social ostracism. *Modern Foreign Psychology*, 8(3), 60–67. <https://doi.org/10.17759/jmfp.2019080307>. <https://elibrary.ru/OREJML>
6. Boykina, E. E., Chirkina, R. V., Chumachenko, D. V., Romanova, N. M., & Kiselev, K. A. (2024). Scale of violated needs. Ostracism (adolescents, youth), SVNO-PM. *Psychology and Law*, 14(1), 53–71. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2024140104>. <https://elibrary.ru/HWMRDC>
7. Borgul, A. A. (2024). School shooting: Causes and prevention methods. In *Personal, Social, and State Security: Theoretical and Legal Aspects: Collection of Scientific Articles of the XVII International Scientific Conference* (pp. 941–946). Saint Petersburg: Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. <https://elibrary.ru/ARHHHD>
8. Borisova, S. E. (2024). The phenomenon of school shooting and its interpretation in the context of legal-psychological knowledge and associative meanings of future investigators. *Psychology and Law*, 14(2), 172–184. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2024140213>. <https://elibrary.ru/JXGZKI>
9. Voiskunsky, A. E. (2004). Current issues in the psychology of Internet addiction. *Psychological Journal*, 25(1), 90–100. <https://elibrary.ru/NKNCUY>
10. Volkova, E. N., Volkova, I. V., & Isaeva, O. M. (2016). Assessment of child violence prevalence. *Social Psychology and Society*, 7(2), 19–34. <https://doi.org/10.17759/sps.2016070202>. <https://elibrary.ru/WAPUOX>
11. Volkova, E. N., & Isaeva, O. M. (2015). *Child and violence: Diagnostics, prevention, and prophylaxis* (290 pp.). Nizhny Novgorod. ISBN: 978-5-00036-121-4. <https://elibrary.ru/XNOPOE>
12. Vyatkina, N. V., Shchukina, R. I., Fedotova, P., & Gadzhieva, M. T. (2023). School shooting in Russia: Researchers' and laypersons' views on the problem. *PNRPU Bulletin. Social and Economic Sciences*, 1, 120–130. <https://doi.org/10.15593/2224-9354/2023.1.9>. <https://elibrary.ru/VQXKLI>
13. Garaganov, A. V. (2022). Socio-psychological causes of school shooting. *Humanization of Education*, 1, 145–156. <https://doi.org/10.24411/1029-3388-2020-10223>. <https://elibrary.ru/PYMLPI>

14. Glazyrina, L. G. (2021). Auto-aggression as a predictor of Internet addiction in adolescents: Theoretical aspects. *Problems of Modern Teacher Education*, 71-4, 348–351. <https://elibrary.ru/BMLPCC>
15. Golovina, A. G., & Samarina, O. E. (2023). Some features of non-suicidal auto-aggressive behavior in affective disorders and personality disorders during adolescence. In *Sukharev Readings. Auto-aggressive Behavior in Children and Adolescents: An Effective Preventive Environment* (pp. 66–68). Moscow.
16. Golubeva, N. I. (2023). Dissociative identity disorders in children with schizotypal personality disorders. In *Sukharev Readings. Auto-aggressive Behavior in Children and Adolescents: An Effective Preventive Environment* (pp. 69–72). Moscow.
17. Grebenshchikova, A. V. (2023). Psychological and pedagogical prevention and correction of self-injurious behavior in children and adolescents. In *Sukharev Readings. Auto-aggressive Behavior in Children and Adolescents: An Effective Preventive Environment* (pp. 73–76). Moscow.
18. Gustov, G. V., Zinchuk, M. S., Popova, S. B., Svyatskaya, E. A., & Akzhigitov, R. G. (2023). The influence of childhood stress type on the formation of dysfunctional personality traits. In *Sukharev Readings. Auto-aggressive Behavior in Children and Adolescents: An Effective Preventive Environment* (pp. 77–82). Moscow.
19. Davydov, D. G., & Khlomov, K. D. (2018). Mass killings in educational institutions: Mechanisms, causes, and prevention. *National Psychological Journal*, 4(32), 62–76. <https://doi.org/10.11621/npj.2018.0406>. <https://elibrary.ru/VUSFIW>
20. Danchenko, S. A., Guremina, N. V., & Nazarov, M. S. (2023). Psychological characteristics of a potential school shooter. *Russian Journal of Education and Psychology*, 14(1–2), 200–212. https://rjep.ru/archive/2023/rjep14_1_2_2023.pdf. <https://elibrary.ru/WTDKZB>
21. Dzhafarova, E. S., & Faustova, A. G. (2023). The relationship between attachment patterns and self-injurious behavior in adolescents from complete and incomplete families. In *Sukharev Readings. Auto-aggressive Behavior in Children and Adolescents: An Effective Preventive Environment* (pp. 83–85). Moscow.

22. Ipatov, A. V. (2017). *Psychological determinants of auto-destructive behavior in adolescents and mechanisms of its correction* [Doctoral dissertation abstract, Doctor of Psychological Sciences] (52 pp.). Saint Petersburg. <https://elibrary.ru/ZQDMNZ>
23. Merinov, A. V., Shishkova, I. M., Zavalova, E. R., Vasilyeva, D. M., & Provotorova, A. O. (2023). Auto-aggressive profile in adolescent and young adult women with current suicidal ideation. *Suicidology*, 14(4), 57–70. [https://doi.org/10.32878/suiciderus.23-14-04\(53\)-57-70](https://doi.org/10.32878/suiciderus.23-14-04(53)-57-70). <https://elibrary.ru/EPVJIU>
24. Novoselova, M. L., & Dvoryanchikov, N. V. (2014). Factors of early trauma in the development of sexual anomalies in men [Electronic resource]. *Psychology and Law. Psyandlaw.ru*, 2. https://psyjournals.ru/journals/psylaw/archive/2014_n2/69874 (Accessed: 01.06.2025). <https://elibrary.ru/SIVETJ>
25. Nutskova, E. V. (2016). Phenomenology of psychological consequences of sexual abuse in children and adolescents depending on various factors [Electronic resource]. *Psychology and Law*, 6(1), 73–90. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2016060107>. <https://elibrary.ru/VPGFFR>
26. Piskareva, T. K., & Enikolopov, S. N. (2019). Gender identity disorders and mental health problems. *Review of Psychiatry and Medical Psychology*, 3, 28–35. <https://doi.org/10.31363/2313-7053-2019-3-28-35>. <https://elibrary.ru/HFEVKK>
27. Polskaya, N. A. (2013). The relationship between school bullying indicators and self-harm behavior in adolescence. *Psychological Science and Education*, 1, 39–49. https://psyjournals.ru/journals/pse/archive/2013_n1/58596. <https://elibrary.ru/PZNNNF>
28. Popov, Yu. V., & Brug, A. V. (2005). Addictive suicidal behavior in adolescents. *Review of Psychiatry and Medical Psychology named after V. M. Bekhterev*, 1, 24–26. <https://elibrary.ru/QJKDDV>
29. Rozanov, V. A. (2022). Aggression and auto-aggression (suicide): Analysis from the perspective of neurobiology. *Suicidology*, 13(3), 3–38. [https://doi.org/10.32878/suiciderus.22-13-03\(48\)-3-38](https://doi.org/10.32878/suiciderus.22-13-03(48)-3-38). <https://elibrary.ru/RKTXZR>
30. Ruzhenkov, V. A., & Ruzhenkova, V. V. (2014). Some aspects of terminology and classification of auto-aggressive behavior. *Suicidology*, 5(1), 41–51. <https://elibrary.ru/SBPVLX>

31. Sokolova, M. V. (2022). *Socio-psychological determinants of social media choice by auto-aggressive adolescents* [Candidate dissertation abstract, Candidate of Psychological Sciences] (25 pp.). Moscow. <https://elibrary.ru/FGLXVT>
32. Sukhodolskaya, Yu. V. (2020). School shooting as an independent criminological phenomenon. *Bulletin of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation*, 3(77), 117–120. <https://elibrary.ru/CPENAT>
33. Tuhtaeva, D. A., & Lukovtseva, Z. V. (2024). Psychological characteristics of adults who experienced sexual violence during childhood or adolescence [Electronic resource]. *Psychology and Law*, 14(1), 33–52. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2024140103>. <https://elibrary.ru/BCIDHF>
34. Utemisova, G. U., & Vasyagina, N. N. (2020). Relevance of bullying research: Current state of the problem. *Pedagogical Education in Russia*, 4, 27–34. <https://doi.org/10.26170/po20-04-03>. <https://elibrary.ru/XXOZAT>
35. Finashina, M. E., & Pavlova, O. S. (2024). Self-concept of older adolescents prone to auto-aggressive behavior. *Bulletin of Practical Psychology of Education*, 21(1), 97–110. <https://doi.org/10.17759/bppe.2024210108>. <https://elibrary.ru/CMDOOU>
36. Furmanov, I. A. (2020). Students' attitudes towards violence. *Integration of Education*, 24(4), 622–640. <https://doi.org/10.15507/1991-9468.101.024.202004.622-640>. <https://elibrary.ru/OHLRGS>
37. Al Hawari, H., & El Banna, A. (2017). A medicolegal study of domestic violence in south region of Jordan. *Egyptian Journal of Forensic Sciences*, 7(5). <https://doi.org/10.1186/s41935-017-0006-x>
38. Miralles, P., Godoy, C., & Hidalgo, M. D. (2023). Long-term emotional consequences of parental alienation exposure in children of divorced parents: A systematic review. *Current Psychology*, 42, 12055–12069. <https://doi.org/10.1007/s12144-021-02537-2>. <https://elibrary.ru/VHWCIF>
39. Piñuela, R., Montañez, D., Piñeiro, Y., Vecina, M. L., & Yela, C. (2023). Exploring alienation, self-dehumanization, and aggression in adolescents: Institutionalized vs non-institutionalized. *International Journal of Psychology and Neuroscience*, 9(2), 90–108. <https://doi.org/10.56769/ijpn09209>. <https://elibrary.ru/ELJFZW>

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Кочеткова Татьяна Николаевна, кандидат психологических наук,
доцент, доцент кафедры педагогики и психологии экстремаль-
ных ситуаций

Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России

*ул. Московская, 149, г. Санкт-Петербург, 196105, Российская
Федерация*

Tatnik2021@yandex.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Tatiana N. Kochetkova, PhD in Psychology, Associate Professor, As-
sociate Professor of the Department of Pedagogy and Psychology
of Extreme Situations

*Saint Petersburg University of the State Fire Service of the Min-
istry of Emergency Situations of Russia*

*149, Moskovskaya Str., Saint Petersburg, 196105, Russian Fe-
deration*

Tatnik2021@yandex.ru

*ResearchGate: [https://www.researchgate.net/profile/Tatiana-Ko-
chetkova-5?ev=hdr_xprf](https://www.researchgate.net/profile/Tatiana-Kochetkova-5?ev=hdr_xprf)*

Поступила 15.05.2025

После рецензирования 10.06.2025

Принята 12.06.2025

Received 15.05.2025

Revised 10.06.2025

Accepted 12.06.2025